

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Г.В. Прохоров

**М.Ю. Лермонтов
и его значение в истории
русской литературы:
историко-литературный очерк**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1915. № 1. С. 22-48.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

М. Ю. Лермонтовъ и его значеніе въ исторіи русской литературы.

(Историко-литературный очеркъ).

Постановка вопроса. Первый періодъ жизни Лермонтова (1814—1837 г.г.). Происхожденіе, характеръ и склонности поэта; воспитаніе домашнее и въ Благородномъ пансіонѣ; московскій университетъ; юнкерская школа; жизнь по выходѣ изъ школы; манера держать себя; отношеніе къ другимъ; увлеченіе радостями жизни.—Поэзія этого періода. Разочарованность и меланхоличность; вѣра въ свое особое призваніе; взглядъ на себя, какъ на исключительную личность; жизненная задача; невозможность ея осуществленія; разочарованіе въ людяхъ и презрѣніе къ нимъ; гордое одиночество и муки сильной личности; мятежъ противъ Бога и отрицаніе небеснаго; стремленіе забыться въ радостяхъ и наслажденіяхъ земного бытія.

НЕЛЬЗЯ сказать, чтобы на Лермонтова въ исторіи литературы установился твердый и опредѣленный взглядъ. Сходясь въ признаніи большого поэтическаго таланта Михаила Юрьевича¹⁾, критики и историки литературы, однако, расходятся въ формулированіи его міровоззрѣнія, проводимыхъ въ его художественныхъ произведеніяхъ идей, а также въ опредѣленіи его отношеній къ современности и

---

¹⁾ Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ отзывы о Лермонтовѣ критика Писарева и другого малоизвѣстнаго критика Зайцева. Исходя изъ своихъ основныхъ взглядовъ на жизнь, Писаревъ, какъ извѣстно, отрицательно относился къ эстетикѣ. Онъ не признавалъ у насъ поэтовъ, утверждая, что у насъ были только или зародыши, или пародіи на поэтовъ. Къ первымъ онъ относилъ Лермонтова, Полежаева. Крылова, Грибѣдова, а ко вторымъ—Пушкина и Жуковскаго („Реалисты“, сочиненія, т. IV, стр. 113). Рѣзко отзываясь о Лермонтовѣ и Зайцевъ. „Странное впечатлѣніе производятъ эти (Лермонтова) сочиненія

отраженія ея въ его художественныхъ созданіяхъ. Причина такой неустойчивости литературнаго мнѣнія лежитъ почти исключительно въ самомъ Лермонтовѣ, и именно въ характерѣ его творчества и поэзіи. У Лермонтова не было опредѣленнаго міровоззрѣнія, и потому въ его произведеніяхъ столько неясностей, неожиданностей, рѣзкихъ противорѣчій, сколько ихъ было и въ его неуравновѣшенной натурѣ. Съ другой стороны, самъ Лермонтовъ былъ личностью въ высшей степени замкнутою; онъ мало интересовался окружающею дѣйствительностію, жизнью, воззрѣніями и идейными стремленіями своихъ современниковъ; наоборотъ, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ почти всецѣло занятъ только своей безпокойной и страдающей личностію; естественно, что въ силу этихъ причинъ современная дѣйствительность находитъ у него только самое слабое отраженіе, а это еще болѣе затрудняетъ сужденіе о немъ у историковъ литературы.

Въ силу той тѣсной связи, которая существуетъ между личностію Лермонтова и его поэтическими произведеніями, являющимися почти сплошь автобіографическимъ матеріаломъ,

---

на челоуѣка нечитавшаго ихъ со времени счастливыхъ дней своей юности. Впечатлѣніе это можно сравнить развѣ съ тѣмъ, которое производитъ на взрослоаго домъ, который онъ оставилъ ребенкомъ, а возвратился взрослымъ. Его дѣтскому воображенію казались огромными, великолѣпными эти комнаты, которыя онъ находитъ теперь такими жалкими и пустыми. Темные корридоры, мрачные высокіе потолки, говорившіе ему прежде о чемъ-то таинственномъ, страшномъ, представляются ему теперь грязными, закопченными, сырыми; и не таинственный трепетъ, а скуку возбуждаетъ въ немъ видъ того, что нѣкогда ему казалось прекраснымъ. Такъ и сочиненія Лермонтова... Какимъ образомъ челоуѣкъ, котораго главныя произведенія облачаютъ такую непослѣдовательность идей и образовъ, такую мелочность содержанія, могъ заставить восхищаться собой не только возведенныхъ имъ въ перлъ созданія юнкеровъ и золотушныхъ помѣщичьихъ дочекъ, но даже нашу ученую и глубокомысленную эстетическую критику? Какимъ образомъ могъ онъ попасть въ число гениевъ?" („Русское Слово“, 1863, II. Библиографическій листокъ, стр. 13—28. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. V, стр. 152. (Мы пользуемся въ настоящемъ очеркѣ этимъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ изданіемъ)).

Но приведенные отзывы Писарева и Зайцева, какъ отраженіе въ высшей степени тенденціознаго и односторонняго отношенія нѣкоторыхъ шестидесятниковъ къ эстетикѣ и даже полнаго отрицанія ея, не могутъ итти въ счетъ въ общей суммѣ положительныхъ отзывовъ о творествѣ Лермонтова.

какъ для выясненія поэзіи Лермонтова, такъ и опредѣленія его мѣста въ исторіи русской литературы представляется необходимымъ считаться съ біографіей поэта, хотя, къ сожалѣнію, біографическія данныя, въ особенности относящіяся къ годамъ дѣтства поэта, отличаются большою скудостью.

I.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился 2 октября 1814 года. Отецъ его—Юрій Петровичъ, человекъ небогатый, происходилъ изъ древней шотландской фамиліи, еще въ XVII в. переселившейся въ Россію. Мать поэта—Марія Михайловна Арсеньева была единственною дочерью своихъ богатыхъ родителей, вышедшею замужъ за Юрія Петровича по сердечному влеченію, но вопреки желанію своей богатой родни. Юрій Петровичъ человекъ, видимо, легкомысленный, не далъ счастья своей женѣ. Первая и болѣзненная, а затѣмъ и чахоточная она хотѣла забыться въ благотвореніи своимъ крестьянамъ, но, главнымъ образомъ, въ любви къ своему единственному сыну. Иногда Марія Михайловна, взявъ сына на колѣни, садилась за фортепіано и начинала изливать свою скорбь въ страдающихъ звукахъ; нервное и болѣзненное настроеніе матери передавалось дитяти, и тогда слезы текли по его щечкамъ ¹⁾. Вѣроятно отъ матери Лермонтовъ унаслѣдовалъ музыкальныя способности и вообще художественныя наклонности: онъ, напр., очень хорошо рисовалъ. Мать Лермонтова умерла очень рано, но ея кроткій обликъ и ея голосъ на всю жизнь запечатлѣлись въ душѣ поэта, какъ объ этомъ можно судить на основаніи собственныхъ его словъ ²⁾. Весьма возможно, что всѣ стра-

¹⁾ „Странный человекъ“, III, 159.

²⁾ Въ стихотвореніи „Кавказъ“ поэтъ съ особенной теплотой вспоминаетъ свою мать.

Хотя я судьбою на зарѣ моихъ дней,
 О, южныя горы, отторгнуть отъ васъ,—
 Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ...
 Какъ сладкую пѣсню отчины моей,
 Люблю я Кавказъ.

*Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ.
 Но мнилось, что въ розовый вечера часъ*

данія матери, которыя, если и не сознавались, то чувствовались и переживались ребенкомъ, и наложили на душу Лермонтова отличающую его меланхолю.

Послѣ смерти матери воспитаніе маленькаго Миши перешло къ его бабушкѣ—Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеньевой, которая рѣшительно разсорилась съ Юріемъ Петровичемъ, не только уступившимъ ей сына, но и совсѣмъ уѣхавшаго изъ Тарханъ, имѣнія своей жены. Эта ссора отца съ бабушкой не прекратилась и потомъ, а проистекавшія изъ нея неприятности тяжелымъ бременемъ ложились на душу впечатлительнаго мальчика ¹⁾. Бабушка Лермонтова не чаяла въ немъ души и слѣдила за каждымъ его шагомъ, за каждымъ движеніемъ, даже кровать Миши стояла въ ея комнатѣ. Для Миши было все и всѣ, и онъ ни въ чемъ не долженъ былъ испытывать никакой нужды. Если мальчикъ заболѣвалъ, тогда дворовыя дѣвушки освобождались отъ работы, и имъ вѣнялось въ обязанность молиться за молодого барина. Ребенку никто ни въ чемъ не отказывалъ, наоборотъ, всѣ наперерывъ старались предупредить его малѣйшее желаніе, такъ или иначе выразить этому всеобщему баловню свою любовь. Такая атмосфера какъ нельзя больше способствовала проявленію въ немъ эгоистическихъ и деспотическихъ наклонностей ²⁾. Несмотря,

---

Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.

За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,

Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ.

Пять лѣтъ пронеслось: все тоску по васъ.

Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ,—

И сердце лепечетъ, вспомя тоть взоръ:

Люблю я Кавказъ.

Стихотвореніе это было написано въ 1830 году. А въ одной изъ своихъ тетрадей въ томъ же 1830 г. Лермонтовъ вспоминаетъ: „Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ее не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бы услышалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать“.

¹⁾ „Menschen und Leidenschaften“, дѣйствіе I, явл. V—Юрій, въ которомъ Лермонтовъ изображаетъ себя, говоритъ Заруцкому: „Потомъ ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ, и это все на меня упадетъ“.

²⁾ Саша Арбенія въ „семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лезть толстой ключницы... Въ саду онъ то и дѣло

однако, на тщательный уходъ, ребенка постигла серьезная болѣзнь—корь, надолго приковавшая его къ постели. и это повело къ тому, что мальчикъ сталъ много думать. За недостаткомъ фактическаго матеріала. эти думы, какъ то естественно, питались фантазіей. «Шести лѣтъ уже онъ (Сапа Арбенинъ-Лермонтовъ) заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія!... Воображеніе стало для него новой игрушкой... Въ продолженіе мучительныхъ бессонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремунихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури». Въ всякаго сомнѣнія, что размышленія эти проявлялись не въ одной только работѣ фантази: живой и впечатлительный умъ ребенка, любившаго ¹⁾ задаваться вопросами: зачѣмъ? да что?, приучалъ его къ анализу, сомнѣнію ²⁾ и критикѣ воспринимаемыхъ фактовъ и явленій. Все это вело къ тому, что ребенокъ переносилъ центръ своей жизни въ область мечты и фантазій, что онъ терялъ интересъ къ дѣйствительности, терялъ способность непосредственно воспринимать жизненные

ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыная ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу». („Второй отрывокъ изъ начатой повѣсти“). Аннушка въ „Странномъ человѣкѣ“ (сцена III) говоритъ о молодомъ баринѣ: „А ужъ вспыльчивъ-то былъ, словно порохъ. Разъ вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на полъ; ну, такъ и рвется, плачетъ; брось на полъ. Дала ему,—бросилъ и успокоился“.

¹⁾ „Странный Человѣкъ“. сцена III.

²⁾ Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить мръ воздушный,
И въ немъ терялся мыслію послушной.

впечатлѣнія. Печоринъ говоритъ о себѣ, что онъ не любитъ «останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?.. Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось? одна усталость какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и даръ души и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ». Сознательная жизнь въ мальчикѣ пробудилась, такимъ образомъ, очень рано. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что Лермонтовъ росъ, окруженный исключительно женскимъ обществомъ, повело, между прочимъ, къ раннему пробужденію въ немъ потребности любить. Уже 10 лѣтъ Лермонтовъ, по его словамъ ¹⁾, любилъ; это случилось на Кавказѣ, куда бабушка возила его для леченія нѣсколько разъ. Могучая и величественная красота Кавказа произвела на мечтательнаго и чуткаго мальчика неизгладимое впечатлѣніе на всю жизнь; Лермонтовъ сроднился съ Кавказомъ, и всегда съ любовью вспоминалъ о немъ. «Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня приучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ»... Здѣсь, на Кавказѣ, нужно думать, развилась и окрѣпла у Лермонтова та любовь къ природѣ, которая такъ замѣтно сказалась въ его произведеніяхъ.

До 1828 года Лермонтовъ оставался въ Тарханахъ, подъ крыломъ своей бабушки, которая занялась его образованіемъ, пригласивши для него въ домъ особыхъ учителей; образованіе было поставлено на довольно широкую ногу; Лермонтовъ изучалъ, напр., не только новые языки—нѣмецкій и французскій, но и древніе—греческій и латинскій. На четырна-

¹⁾ „Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?“ записываетъ Лермонтовъ 8 іюля 1830 г... „Я тогда ни объ чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ! И такъ рано!“...

дцатомъ году Лермонтова отвезли въ Москву и помѣстили въ Благородный университетскій пансіонъ, откуда онъ потомъ поступилъ въ университетъ сначала на нравственно-политическое, а потомъ на словесное отдѣленіе. Въ университетскомъ пансіонѣ въ то время были еще живы тѣ литературныя традиціи, которыя издавна привились тамъ, оказавъ въ свое время благоприятное вліяніе на многихъ изъ нашихъ писателей, воспитывавшихся въ этомъ пансіонѣ. Во времена Лермонтова въ пансіонѣ издавался школьный журналъ «Утренняя заря», въ которомъ принималъ участіе и Лермонтовъ. Писательскіе порывы Лермонтова обнаружались очень рано, хотя первоначально они проявлялись только въ перепискѣ и передѣлкѣ произведеній наиболѣе нравившихся ему авторовъ (напр. «Кавказскаго Пѣвника» Пушкина). Читалъ Лермонтовъ очень много, но, какъ-то видно изъ его ученическихъ тетрадей, любимыми его авторами были: Пушкинъ, Шекспиръ, Гете, Шиллеръ и въ особенности Байронъ. Первымъ литературнымъ опытомъ Михаила Юрьевича была поэма «Индіанка», написанная подъ вліяніемъ «Атала» Шатобриана. Позже Лермонтовъ сжегъ эту поэму. Особый интересъ Лермонтова къ сочиненіямъ Шиллера и въ особенности Байрона показываетъ, въ какую сторону склонялись симпатіи молодого поэта, и интересъ его къ нимъ не является, конечно, въ Лермонтовѣ неожиданнымъ послѣ того, что мы знаемъ о его дѣтствѣ. Въ пансіонѣ меланхолія овладѣваетъ Лермонтовымъ больше и больше, онъ все дальше удаляется отъ окружающихъ его и замыкается въ тѣсный міръ своихъ личныхъ переживаній. Въ дальнѣйшемъ это приводитъ его къ тому, что онъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на исключительную личность, возвышающуюся надъ всѣми другими. Такимъ именно и вступилъ Лермонтовъ осенью 1830 года въ московскій университетъ. Сохранившіяся объ этомъ періодѣ свѣдѣнія рисуютъ поэта, какъ въ высшей степени замкнутаго студента, державшагося въ сторонѣ отъ товарищей и относившагося къ нимъ высокомерно¹⁾. Правда, универси-

¹⁾ Однокурсникъ Лермонтова П. Ф. Вистенгофъ вспоминаетъ, что Лермонтовъ имѣлъ тяжелый характеръ, что онъ держался особнякомъ отъ другихъ студентовъ, которые его не любили. „Онъ даже и садился постоянно на одномъ мѣстѣ, отдѣльно отъ другихъ, въ углу аудиторіи, у окна, облокотясь, по обыкновенію, на одинъ локоть и углубясь въ чтеніе принесенной книги, не слушалъ профессорскихъ лекцій... Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко

тетская наука не стояла тогда высоко, и лекціи профессоровъ не были живымъ въ обоихъ смыслахъ словомъ, однако именно въ то время стали заражаться прежде всего въ университетѣ кружки (напр., Бѣлинскаго, Станкевича), которые сыграли такую значительную роль въ исторіи развитія русской мысли и просвѣщенія. Въ университетѣ одновременно съ Лермонтовымъ учились Бѣлинскій, К. Аксаковъ, Герцень, но они прошли мимо Лермонтова, а онъ не обнаружилъ попытокъ подойти къ нимъ, предпочитая одинъ остаться съ тѣми вопросами, которые болью и скорбью наполняли его душу. Только по временамъ онъ выходилъ изъ замкнутаго круга одиночества, но не въ университетѣ, а въ свѣтскихъ гостининыхъ Москвы. Крайне самолюбивый, онъ хотѣлъ, что называется, блистать въ свѣтѣ, хотя и не любилъ этого свѣта, презиралъ его и смѣялся надъ нимъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Это была какая-то двойственная жизнь юноши, который не нашелъ еще своего пути и, потому постоянно бросался изъ одной крайности въ другую. Но все же меланхолія, разочарованность, взглядъ на себя, какъ на вышшую натуру, и недоброежелательное, а часто и враждебное отношеніе къ другимъ въ немъ, несомнѣнно, преобладаютъ. Поэтическій талантъ его въ этотъ московскій періодъ быстро развивается и уже рано проявляется во всемъ своемъ своеобразномъ блескѣ въ его удивительныхъ по звонкости стихахъ, которые точно выточены изъ стали и которые въ своей совокупности создаютъ ту удивительную гармонію, какую по справедливости можно назвать музыкой лермонтовской поэзіи. Именно въ московскій періодъ Лермонтовымъ написано большинство его лирическихъ стихотвореній, а также нѣсколько болѣе крупныхъ произведеній, напр.: «Послѣдній сыпъ вольности», «Ангель смерти», «Аулъ Бастунджи», «Измаиль-Бей».

Самолюбивый и рѣзкій характеръ Лермонтова приводилъ поэта къ столкновенію не только съ товарищами, но и съ

вели между собою оживленные бесѣды о современныхъ интересныхъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ иногда отрывался отъ своего чтенія, взглядывалъ на ораторствующаго, но какъ взглядывалъ! Говорившій невольно конфузился, умалялъ свой экстазъ или совсѣмъ умолкалъ. Ядовитость во взглядѣ Лермонтова была паразитична. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ. (Сочин. М. Ю. Лермонтова, т. V, стр. XXVI—XXVII).

профессорами. Столкновѣнія ¹⁾ эти окончились тѣмъ, что Лермонтовъ оставилъ московскій университетъ съ цѣлію перевестись въ петроградскій. Однако, дѣло кончилось иначе: въ Петроградѣ ему не хотѣли засчитать двухлѣтняго пребыванія въ московскомъ университетѣ; тогда поэтъ, чтобы не терять понапрасну двухъ лѣтъ, опредѣлился 10 ноября 1832 года въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда онъ былъ выпущенъ чрезъ два года въ чинѣ офицера. Поступленіе въ школу подпрапорщиковъ и для самого Михаила Юрьевича было, повидимому, до нѣкоторой степени неожиданно, но онъ относится къ этому какъ-то безразлично, оцѣнивая происшедшую переменъ не съ точки зрѣнія жизни, а какъ бы предъ лицомъ смерти. «До сихъ поръ»,—пишетъ онъ въ ноябрѣ 1832 года М. А. Лопухиной,—«я жилъ для литературной карьеры, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу и вотъ теперь я воинъ. Быть можетъ, это особая воля providѣнія; быть можетъ этотъ путь кратчайшій, и если онъ не ведетъ меня къ первой цѣли, то не приведетъ ли онъ меня къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулей въ груди нисколько не хуже, чѣмъ умереть отъ медленной агоніи старости. Итакъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что всегда буду впереди». Изъ этихъ словъ видно, что въ Петроградѣ Лермонтовъ пріѣхалъ съ тѣмъ начинавшимся равнодушіемъ къ жизни и смерти, которое было результатомъ тяжелыхъ переживаній поэта, не нашедшаго разрѣшенія такъ

---

¹⁾ Тотъ же Вистенгофъ, между прочимъ, передаетъ слѣдующіе относящіяся сюда случаи. „Передъ рождественскими праздниками профессора дѣлали репетиціи, т. е. повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и, согласно отвѣтамъ, ставили баллы, которые брались въ соображеніе потомъ на публичномъ экзаменѣ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ. Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ: я вамъ этого не читалъ. Я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?—Это правда, господинъ профессоръ,—отвѣчалъ Лермонтовъ,—того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками изъ своей собственной библиотеки, снабженной всѣмъ современнымъ.—Мы всѣ переглянулись. Подобный отвѣтъ данъ былъ и адъюнкту-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику. Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ“. (Тамъ же, стр. XXVIII).

мучившихъ его вопросовъ о смыслѣ и назначеніи его жизни. Къ сожалѣнію, условія, въ какія поставленъ былъ теперь Лермонтовъ, не были благопріятными для выработки твердаго и идейнаго взгляда на жизнь. Жизнь въ школѣ подпрапорщиковъ ограничивалась узкимъ кругомъ школьныхъ интересовъ, часто не требующихъ душевнаго, сердечнаго къ нимъ отношенія и не возбуждающихъ пытливую мысль человѣка. Личная жизнь и душевные порывы юнкеровъ находили свое ближайшее проявленіе въ подвигахъ своеобразнаго удальства и нѣкоторой безшабашности въ жизни. Начальство, ставившее въ отношеніи къ юнкерамъ своею, кажется, единственною цѣлю приготовить изъ нихъ «слугакъ», мало обращало вниманія на ихъ воспитаніе и отечески снисходительно относилось къ ихъ буйнымъ, подчасъ, кутежамъ и шалостямъ, ревниво наблюдая лишь за тѣмъ, чтобы не было скандаловъ и исторій. Если припомнить, что это относится къ николаевскимъ временамъ, когда военнымъ отводилась такая большая роль въ государственной жизни, что даже оберъ-прокуроромъ св. синода былъ оберъ-офицеръ, то неудивительно, что въ аристократической школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ царилъ кастовый духъ и сознаніе своего превосходства надъ другими. Для человѣка, вѣрившаго въ свое превосходство надъ остальными и въ свое особенное предназначеніе, долго сторонившагося отъ людей и отъ жизни, а теперь уставшаго отъ внутреннихъ мученій и желавшаго забыться въ бѣшенномъ круговоротѣ жизни, такая обстановка была особенно подходящей. Главное, что поэтъ сталъ терять почву подъ ногами: у него начинается сомнѣніе въ своихъ прежнихъ ожиданіяхъ и надеждахъ. Въ письмѣ М. А. Лопухиной (отъ 4 августа 1833 г.) Лермонтовъ, между прочимъ, пишетъ: «Одно меня ободряетъ—мысль, что я черезъ годъ офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Еслибы вы знали, какую жизнь я намѣренъ вести! О, это будетъ восхитительно! Во первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но, увы! *пора моихъ мечтаній миновала; нтъ больше впръ;* мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу... Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя грезы мои разлетаются, я сказалъ себѣ, что не стоитъ создавать новыхъ; гораздо лучше,

подумаль я, приучать себя обходиться безъ нихъ. Попробоваль—и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося по-немногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безполезны, и вскорѣ прошлое представлялось мнѣ просто программу незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ походовъ». И Лермонтовъ дѣйствительно старается утопить свое прошлое въ бурномъ потокѣ безшабашной жизни и чувственныхъ наслажденій. Между своихъ веселящихся товарищей онъ не былъ послѣднимъ, служа, между прочимъ, общему услажденію жизни своими шуточными стихотвореніями. Правда, поэтъ сознаваль, что *такая* жизнь не настоящая, какъ бы тамъ онъ самъ ее ни расхваливаль; *этой* жизни онъ не можетъ дать разумнаго обоснованія, и она остается для него, какъ и раньше, глупой и порочной, тѣмъ не менѣе онъ сознательно отдаваль ей. Въ письмѣ М. А. Лопухиной отъ 19 іюня 1833 года поэтъ писалъ: «Со мной случилось такъ много страшныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ придется идти мнѣ: путемъ порока или глупости. Правда, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшить меня—было бы напрасно! Я счастливѣе чѣмъ когда либо, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ».

Выйдя изъ школы, Лермонтовъ, дѣйствительно, осуществляетъ намѣченную имъ программу веселой жизни, причемъ базируетъ онъ ее на сомнѣніяхъ въ истинности своихъ прежнихъ стремленій, а главное—въ трудности ихъ осуществленія. «Моя будущность»,—пишетъ онъ Лопухиной тотчасъ по выходѣ изъ училища, 23 декабря 1834 года.—«блестательная на видъ, въ сущности, пошла и пуста. Долженъ вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше *убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ*: со всѣми моими мечтаніями и ложными шагами на жизненномъ пути; мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Мнѣ говорить, что случай когда нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!.. А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частицу пламенной, молодой души, которую Богъ одарилъ меня весьма не кстатѣ, что моя воля не истощится отъ выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что въ жизни служить двигающимъ стимуломъ?» Со всѣмъ пыломъ своей необузданной натуры Лермонтовъ отдается вихрю веселой жизни свѣтскаго общества, оставляя часто позади себя своихъ сото-

варищей. Онъ любилъ бывать въ обществѣ и прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы обратить на себя вниманіе, чтобы не быть незамѣченнымъ ¹⁾, не особенно разбираясь въ тѣхъ средствахъ, которыми это достигается, какъ то видно изъ его собственныхъ признаній касательно отношеній къ Е. А. Хвостовой, урожденной Сушковой. Въмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ любилъ драпироваться въ плащъ полной разочарованности, мрачности и таинственности. По мнѣнію хорошо знавшей поэта гр. Е. П. Ростопчиной, это позированіе съ теченіемъ времени превратилось въ привычку. Однако Лермонтовъ далеко не вполнѣ достигалъ своихъ цѣлей: высшій кругъ общества отнесся къ нему равнодушно, и это очень озлобило до крайности самолюбиваго поэта: ему, стоявшему безконечно высоко надъ людьми, отказываютъ въ первенствующей роли. Онъ начинаетъ клеймить эпиграммами, насмѣшками и сарказмами тѣхъ, чьего вниманія онъ искалъ и не переставалъ искать. Онъ призываетъ на помощь всѣ силы своего мятежнаго и могучаго духа, чтобы излить на людей всю горечь мукъ и всю тягость своихъ страданій,—мукъ и страданій не одного только задѣтаго самолюбія, а прежде всего и главнымъ образомъ горечь потерянныхъ надеждъ и неосуществленныхъ широкихъ замысловъ. Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ поэтъ сталъ до невозможности рѣзкимъ, эгоистичнымъ, несправедливымъ и даже злобнымъ. Ставя въ центрѣ всего свое я и относясь съ презрѣніемъ къ другимъ, онъ часто бывалъ съ своею гордостью и надменностію совершенно нетерпимъ ²⁾. Онъ прямо таки издѣ-

¹⁾ Гр. Е. П. Ростопчина о Лермонтовѣ, котораго она знала еще мальчикомъ, говорить, между прочимъ, слѣдующее. „Онъ былъ дурень собой, и эта некрасивость... была поразительна въ его самые юношескіе годы. Она-то и порѣшила образъ мыслей, вкусы и направленіе молодого человека, съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ самолюбіемъ. Не признавая возможнымъ нравиться, онъ рѣшилъ соблазнять или пугать и драпировался въ байронизмъ, который былъ тогда въ модѣ. Донъ-Жуанъ сдѣлался его героемъ, мало того, его образцомъ, онъ сталъ бить на таинственность, на мрачное и на колкости“ (Сочиненія М. Ю. Лермонтова, т. V, стр. VII).

²⁾ Кн. А. И. Васильчиковъ, секундантъ Лермонтова въ его дуэли съ Мартыновымъ, находить вполне справедливымъ отмѣтить эту отрицательную черту въ характерѣ Лермонтова. „Отдавая полную справедливость внутреннимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе отъ современнаго общества, нельзя однако не сознаться, что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, кото-

вался надъ людьми и въ особенности надъ женщинами; съ настойчивостью и упорствомъ онъ добивался расположенія послѣднихъ съ тѣмъ, чтобы потомъ посмѣяться надъ ними. Вообще Лермонтовъ не находилъ нужнымъ считаться ни съ кѣмъ, и это главнымъ образомъ потому, что онъ слишкомъ высоко ставилъ себя и очень низко другихъ. Такое отношеніе легко могло привести къ катастрофѣ и въ концѣ концовъ оно дѣйствительно привело. Но еще раньше случилось одно обстоятельство, которое дало толчекъ къ нѣкоторому перелому въ жизни и воззрѣніяхъ Лермонтова, которое, между прочимъ, обнаружило въ этомъ свѣтскомъ и неуживчивомъ человѣкѣ не перестававшее горѣть въ его душѣ страстное стремленіе къ истинѣ и правдѣ жизни, которое заставило поэта пересмотрѣть и провѣрить свои взгляды на жизнь и на себя лично. Такимъ обстоятельствомъ были стихи, написанные Лермонтовымъ на смерть Пушкина, и тѣ репрессіи, которыя обрушились за нихъ на поэта. Именно съ 1837 года начинается въ Лермонтовѣ тотъ поворотъ въ сторону положительныхъ идеаловъ, который измѣняетъ нѣсколько и самый характеръ его поэзіи...

Что же далъ Лермонтовъ въ своей поэзіи перваго періода?

Какъ уже было сказано, поэзія Лермонтова отличается крайнемъ субъективизмомъ: и въ своей лирикѣ, и въ своихъ поэмахъ, и, наконецъ, въ драмахъ Лермонтовъ занятъ только собой, своею личностью, своими мыслями и переживаніями. Отражая въ стихотвореніяхъ свою личную жизнь, Лермонтовъ въ своихъ поэмахъ и драматическихъ произведеніяхъ рисуетъ съ варіаціями одинъ и тотъ же типъ 'сильной, но разочарованной личности, и этотъ типъ былъ никто иной какъ самъ поэтъ въ различные періоды своей жизни, въ различные моменты своей недолгой, но богатой внутренними переживаніями личности. Въ посвященіи къ «Измаилу-Беку» поэтъ прямо говоритъ:

рыхъ онъ набиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей, безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность“ (Тамъ же, стр. XIII).—А. О. Смирнова въ своихъ „Запискахъ“ писала о Лермонтовѣ: „Мнѣ всегда его было жаль: онъ чувствовалъ, чего ему недостаетъ, но своенравный, бурный характеръ, отсутствіе простоты и страшное самолюбіе мѣшали ему порвать съ привычками... Странная натура, полная противорѣчій,—соединеніе чудныхъ вещей съ иногда просто антипатичными проявленіями“ (Тамъ же, стр. V).

*Тобою полны счастья звуки,
 Меня узнаешь ты въ дружихъ.*

Съ дѣтскихъ лѣтъ поэтъ отличался меланхоличностью; онъ чуждался радостей непосредственной жизни, его вниманіе привлекали къ себѣ скорбные мотивы бытія, и онъ, чуть ли еще не ребенокъ, уже говорить о разочарованности и въ себѣ, и въ людяхъ, и, наконецъ, въ жизни. Первые литературные опыты Лермонтова представляютъ собою передѣлки байроническихъ поэмъ Пушкина, въ пансіонѣ онъ пишетъ (а потомъ сжигаетъ) «Индіанку», на которую его вдохновилъ типъ скорбнаго и разочарованнаго Ренэ Шатобріана, но особенно сильно вліялъ на Лермонтова Байронъ, который для Лермонтова—подростка, по словамъ Алексѣя И. Веселовскаго, былъ «однимъ изъ главныхъ пособій развитія литературнаго вкуса... Съ дѣтства впиталъ онъ (Лермонтовъ) въ себя духъ байроновскаго творчества, какъ святыню, унесъ эти впечатлѣнія въ школу, университетъ, юнкерство, въ петербургскій свѣтъ, на Кавказъ, и остался вѣренъ имъ навсегда»¹⁾.

Меланхоліей и разочарованіемъ проникнуты уже первые по времени появленія стихи Лермонтова; уже въ 1828 году, всего тринадцати лѣтъ отъ роду, онъ говоритъ о «нѣкогда питавшей его сердце и волновавшей его кровь» любви; любовь и все, что радовало его прежде, «теперь сокрылось» и «исчезло» («Цѣвница», 1828 г.); хотя и юный, но онъ потерялъ уже «лѣта златыя», и его не могутъ больше услаждать «ни дружба, ни любовь, ни цѣсни боевыя» («Къ Пу.....ну», 1829 г.); его «младость давно увяла», минули «ясные дни»; давно утратилъ онъ веселье, и нѣтъ ужъ у него «цѣли упованья» («Корсаръ», 1828 г.); страдающій онъ носитъ на себѣ «печать унынія» («Къ Пу.....ну», 1829 г.); одно только и осталось ему утѣшеніе всѣхъ страждущихъ «милое, души святое воспоминае»; для него теперь «пустъ и скученъ весь міръ», и, если онъ еще не чуждается жизненныхъ впечатлѣній, то только, такъ сказать, острыхъ, которыя, «хоть колкостью своей» оживили бы кровь поэта, «угасшую отъ грусти, отъ страданій, отъ преждевременныхъ страстей» («Элегія», 1829).

Нѣсколько неожиданенъ такой мрачный пессимизмъ у тринадцати четырнадцати-лѣтняго мальчика. Безъ сомнѣнія, здѣсь

¹⁾ Алексѣй Веселовскій. Этюды и характеристики. Томъ первый. Москва 1912, стр. 540.

есть нѣчто, навѣянное произведеніями тѣхъ авторовъ, которыми онъ въ это время увлекался, однако же тутъ было много и личнаго. отраженія дѣйствительно невесело настроенной души поэта, вполне сознательно говорившаго про себя, что «на немъ лежитъ ранняя печать грусти» («1831 года, іюня 11 дня»). Поэтъ дѣйствительно грустилъ и страдалъ, причѣмъ страданія эти онъ съ самаго почти начала своего поэтическаго творчества ставилъ въ тѣсную связь съ разбитыми надеждами и неоправданными стремленіями своей отчужденной печатью высшего призванія личности. Убѣжденіе въ исключительности своей судьбы, въ своемъ высшемъ назначеніи громко звучитъ уже въ раннихъ произведеніяхъ поэта. Но, повидимому, и самъ поэтъ хорошо не представлялъ себѣ, въ чемъ же его призваніе и чѣмъ онъ отличается отъ обычныхъ смертныхъ. Лермонтовъ опредѣляетъ исключительность своей личности и ея высокаго предназначенія скорѣе отрицательными, чѣмъ положительными чертами, или укрывается за общія фразы, когда говоритъ о своей «таинственной душѣ и мученьяхъ, которыхъ жертвой былъ». Эти мученья и страданья, по словамъ поэта, удѣлъ особыхъ натуръ, отчужденныхъ рукою рока, перстомъ злой судьбы.

Бываютъ люди: чувства имъ страданья,

Причуда злой судьбы—ихъ бытіе («Измаиль-Бей», 1832).

Властные и могучіе («и власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ»), эти фатальные люди широкимъ размахомъ своей титанической природы рѣзко отличаются отъ простыхъ смертныхъ: они созданы для «великихъ страстей», обладаютъ «пылающей душой» и часто «неестественнымъ желаньямъ отдаютъ жизнь свою» («Эпитафія» — «Простосердечный сынъ свободы», 1830). Эти дѣти рока—творцы новой жизни, которая пугаетъ однако міръ, въ коемъ нѣтъ мѣста для дѣтей рока («Измаиль-Бей»; 1832), да они и не созданы для людей («Эпитафія», 1830). Но въ чемъ именно должна проявиться эта новая жизнь дѣтей рока, такъ и не видно. Несомнѣнно одно, что имъ открытъ какой-то таинственный міръ. Поэтъ говоритъ, что душа его «съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала»; въ погонѣ за этимъ таинственнымъ онъ бросался въ водоворотъ «обольщеній свѣта» и погружался въ «таинственные сны»; «встревоженный печальною мечтой», онъ создавалъ свой собственный міръ, населялъ его особыми непоходившими на земныхъ существахъ, въ ко-

торыхъ «все было адъ или небо» («1831 года, іюня 11 дня»). Что это за таинственный міръ личныхъ переживаній сильной натуры, поэтъ не разъясняетъ. Повидимому, это міръ, совершенно недоступный для простыхъ смертныхъ; по крайней мѣрѣ, признавая существованіе въ своей душѣ неземного пламени, Лермонтовъ утверждаетъ, что этому пламени «судьбою велѣно погибнуть въ тишинѣ» и что поэтому для тайныхъ думъ онъ пренебрегъ даже путемъ славы и любви («Отрывокъ»—«На жизнь надѣяться страшась»..., 1830 г.). Тяжелъ этотъ путь гордаго одиночества, но поэтъ нисколько не жалѣеть о томъ, что ему приходится влечить мучительные дни, безъ цѣли, оклеветаннымъ и одинокимъ, и это потому, что онъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ предназначеніи, ибо

Невѣдомый пророкъ

Мнѣ обѣщаль безсмертье, и живой—

Я смерти отдалъ все, что даръ земной («1831 года, іюня 11 дня»).

Все земное предъ лицомъ небснаго теряетъ свое значеніе; небесное имѣетъ непреодолимое значеніе для поэта, въ которомъ «со дней младенчества хранится» «пламень неземной» («Отрывокъ»—«На жизнь надѣяться страшась», 1830). Излюбленнымъ символомъ небснаго и идеальнаго у поэта постоянно служатъ звѣзды и міръ идеальный, міръ райскій у него часто отождествляется съ міромъ звѣзднымъ.

. . . . Звѣзды ночи

Лишь о райскомъ счастья говорятъ («Черны очи», 1830).

Неудивительно, что звѣзды непреодолимо влекутъ къ себѣ поэта и что онѣ даютъ ему чистую радость умиротвореннаго духа.

Вверху одна	Мои мечты
Горитъ звѣзда,	Она влечетъ
Мой взоръ	И съ высоты
Манитъ всегда;	Мнѣ радость лить (1830).

Чувствуя въ своей душѣ непреодолимое влеченіе къ звѣздамъ, къ небесному идеальному міру, поэтъ тоскуетъ о томъ, что онъ вынужденъ оставаться чловѣкомъ и жить на землѣ, что онъ не можетъ самъ перенестися въ звѣздный міръ.

Чѣмъ ты несчастливъ?—

Скажутъ мнѣ люди.—

Тѣмъ я несчастливъ,

Добрые люди, что звѣзды и небо—

Звѣзды и небо! а я человѣкъ!..

Люди другъ къ другу

Зависть питаютъ;

Я же, напротивъ,

Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,

Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ («Небо и звѣзды»,

1830).

Изъ только сказаннаго какъ будто слѣдуетъ, что поэтъ стремится лишь къ идеальному міру, что онъ созданъ собственно не для земли и не для людей, имѣетъ какое-то чуть ли не небесное предназначенье. Однако, въ другихъ стихотвореніяхъ онъ проводитъ такія мысли, которыя никакъ не согласуются съ такимъ предположеніемъ. Такъ, впадая въ прямое противорѣчіе съ самимъ собою, поэтъ утверждаетъ, что онъ родился не для звѣздъ и луны, что онъ не любитъ неба. Выходитъ, что призваніе поэта не въ стремленіи къ небесному, а въ какой-то особенной дѣятельности на землѣ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній поэтъ дѣйствительно говоритъ, что онъ вдругъ нашелъ себя, а въ себѣ одномъ спасенье и цѣлому народу («Отрывокъ» — «Три noci я провелъ»..., 1830). Въ этой открывшейся вдругъ мысли поэтъ

...утонулъ дѣятельнымъ умомъ

Въ единой мысли, можетъ быть, напрасной

И бесполезной для страны родной,

Но, какъ надежды чистой и прекрасной,

Какъ вольность сильной и святой (Тамъ же).

Въ чемъ это спасенье цѣлаго народа, какія это мысли и мечты, поэтъ опять не разъясняетъ, онъ говоритъ только, что удивленный свѣтъ не пойметъ его, великаго, но благословить («1831 года, іюня 11 дня»). Однако спасенье народа не является цѣлю для поэта, который утверждаетъ, что, если онъ и спасетъ народъ, то это будетъ лишь непосредственнымъ результатомъ его великаго дѣла, самъ же онъ «презираетъ жизнь другихъ» («1831 года, іюня 11 дня»).

Изъ этихъ разнорѣчивыхъ утверженій нельзя сдѣлать никакого положительнаго вывода, кромѣ того, что Лермонтовъ иногда готовъ отрицаться и неба и земли. Такъ оно дѣйствительно и есть; по крайней мѣрѣ, поэтъ иногда прямо заявляетъ, что онъ

...межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой («Я не для ангеловъ и
рая».. 1830).

...Я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ зато и небесамъ («Измаиль-Бей», 1832).

А въ одномъ изъ стихотвореній 1831 года («Кто въ утро зимнее»...) поэтъ говоритъ о томъ, какъ онъ любитъ слушать звонъ монастырскаго колокола.

. . . . . Ни рокъ,
Ни мелкія несчастія людей
Его не заглушатъ; всегда одинъ
Высокой башни мрачный властелинъ,
Онъ возвѣщаетъ міру все, но самъ,
Самъ чуждъ всему—землѣ и небесамъ!

Трудно, конечно, разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ и туманныхъ фразахъ, неизбѣжныхъ, разумѣется, тамъ, гдѣ нѣтъ яснаго представленія о предметѣ. Поэтъ и самъ признавалъ неясность своихъ думъ и стремленій, когда въ стихотвореніи «Н. Ф. И...вой» (1830) писалъ:

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя...
. . . . .
Счастливыцъ, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я.
. . . . .
Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами.

Въ этомъ случаѣ Лермонтовъ очень похожъ на Арбенина, которому онъ вложилъ въ уста такое признаніе:

То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ («Маскарадъ», 1834—5).

Какъ ни неясно и неопредѣленно было для Лермонтова его назначеніе и его дѣло, однако оно было для поэта предметомъ постоянныхъ душевныхъ мученій.

Иногда его тяготила мысль, что жизнь его очень коротка, и онъ не успѣетъ «совершить чего-то», но еще большія страданія доставляли ему безотчетныя ожиданія какой-то страшной катастрофы, поэтъ «груститъ, томится, желаетъ» и, вспоминая золотые годы своей юности, «льетъ слезы, не зная Бога» («Борсаръ», 1828). Иногда это неотвратимое страшное грядущее поэту представляется болѣе опредѣленнымъ—именно какъ нѣкоторое ужасное нарушеніе установленныхъ законовъ, за что его будутъ презирать и даже изгонять изъ страны родной («Въ альбомъ Н. И. Поливанову», 1831), но чаще ему видится болѣе ужасная картина, картина позорной смерти на плахѣ.

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
 Чужой въ родномъ краю,
 На мѣстѣ казни гордый, хоть презрѣнный,
 Я кончу жизнь мою («Настанетъ день—и міромъ
 осужденный», 1830).

Это будетъ естественнымъ наказаніемъ тому, чей будетъ проклять часъ рожденія предъ цѣлымъ полміромъ («Когда къ тебѣ молвы разсказъ»... 1830); правда, чужіе края ей удивятся, найдутся, которые осудятъ палачей и скажутъ: «отчего не понялъ свѣтъ великаго?», но въ родной странѣ люди проклянутъ даже память о поэтѣ («1831 года, іюня 11 дня»). Мысль объ ожидающей Лермонтова позорной казни твердо укрѣпилась въ сознаніи поэта: по крайней мѣрѣ онъ увѣренно говорить о ней даже въ 1837 году.

Я зналъ, что голова, любимая тобою,
 Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
 Я говорилъ тебѣ: ни счастья, ни славы
 Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый...
 И я паду, и хитрая вражда
 Съ улыбкой очертитъ мой недоцвѣтшій геній,—
 И я погину безъ слѣда
 Моихъ надеждъ, моихъ мученій. («Не смѣйся надъ моею
 пророческой тоскою»).

Поэта ждетъ «кровавая могила, могила безъ молитвъ и безъ креста» («1831 года, іюня 11 дня»), но за что же, за какое

именно преступленіе, — это остается неяснымъ. Иногда, видимо, поэту представляется, что онъ ничѣмъ не виновать предъ людьми, такъ какъ онъ явился къ людямъ съ мирными намѣреніями, что «онъ былъ рожденъ для мирныхъ вдохновеній»; вина его развѣ въ томъ, что онъ не могъ подчиниться чуждому для него міру, враждебному поэту гению, что гордый онъ не захотѣлъ искать примиренія, что независимый онъ не склонился предъ Творцомъ съ мольбой (К* **, — «Когда твой другъ съ пророческой тоскою»... 1830 г.); выходило, что тутъ было простое непониманіе другъ друга, которое тѣмъ не менѣе должно привести къ кровавой развязкѣ. Однако гораздо чаще Лермонтовъ возвращается къ прежней мысли о томъ, что онъ совершить что-то ужасное, что сдѣлаетъ его безусловно виновнымъ предъ людьми («Настанетъ день и міромъ осужденный»..., 1830). Не раскрывая, что нужно разумѣть подъ этимъ ужаснымъ, поэтъ склоняется къ той мысли, что дѣйствительно вина въ этомъ случаѣ падаетъ на него, такъ какъ онъ причина зла и по справедливости кажется для другихъ злымъ. Это такъ, но люди вѣдь не вѣдаютъ того, что не по доброй, такъ сказать, волѣ поэтъ таковъ, что такова его судьба, которая доставляетъ поэту больше страданій, чѣмъ онъ другимъ.

Я много сдѣлалъ зла, но больше перенесъ...

Пускай виновенъ я предъ гордыми врагами,

Пускай отмстятъ... Въ душѣ, клянуся небесами,

Я не злодѣй, о нѣтъ! судьба — губитель мой.

Я грудью шель впередъ, я жертвовалъ собою... («Изъ Андрея Шенъ», 1831 г.).

Поэтъ не виновать, что онъ отмѣченъ печатью рока, что его дыханье радость губить, что шадить ему власти не дано («Измаиль-Бей», 1832), онъ борется съ судьбой, но напрасно! ему не уйти изъ того рокового круга, который очерченъ вокругъ него; онъ не виновать, что должно погибнуть или страдать подобно ему все, что только его любить («Стансы», 1830). Онъ несетъ смерть и гибель всѣмъ, кто къ нему приближается, и когда, наконецъ, онъ дойдетъ до того, что «пищей ему станетъ кровь» («Когда къ тебѣ молвы рассказъ», 1830), тогда наступитъ его безславный конецъ. Поэтъ не виновать въ такой своей судьбѣ; если онъ золъ, если онъ не даетъ другимъ радостей, если онъ демониченъ, то потому, что самъ онъ во власти своего демона, этого духа зла и отрицанія.

Собранье золь—его стихія.
 Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
 Онъ любить бури роковыя,
 И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
 Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
 Стоить его недвижный тронъ,
 На немъ средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ
 Сидитъ уныль и мраченъ онъ...
 Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
 Онъ презрѣль чистую любовь,
 Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
 Онъ равнодушно видитъ кровь,
 И звукъ высокихъ ощущеній
 Онъ давить голосомъ страстей,—
 И муза кроткихъ вдохновеній
 Страхится неземныхъ очей («Мой демонъ», 1829 г.).

Въ написанномъ въ слѣдующемъ году «Отрывкѣ» Лермонтовъ говоритъ объ этомъ демонѣ, что «онъ любитъ терзать и мучить», что «въ его рѣчахъ нерѣдко» слышится «ложь», что «онъ точитъ жизнь, какъ скорпіонъ». Поэтъ повѣрилъ демону, и результатомъ этого были его страшныя страданія, составившія его раньше времени. Этотъ демонъ вноситъ разстройство во внутренней міръ поэта, онъ заставляетъ его забыть о небѣ, сѣетъ въ немъ вражду и злобу къ землѣ и, самое главное, затемняетъ въ очахъ поэта смыслъ жизни. Создается какое-то ужасное и безвыходное состояніе.

Я не для ангеловъ и рая
 Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
 Но для чего живу страдая,
 Про это больше знаетъ Онъ.
 Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
 Какъ демонъ, съ гордою душой,
 Я межъ людей безпечный странникъ,
 Для міра и небесъ чужой (1829 г.).

Такое положеніе между небеснымъ и земнымъ, божественнымъ и демоническимъ, добромъ и зломъ является источникомъ безысходныхъ страданій поэта: безотрадно прошедшее, беспросвѣтно будущее и безрадостно настоящее; неудивительно, что «душа поэта пуста», что «ее грызетъ мученье» («Азраиль», 1831).

Могилы тѣмъ сходна съ моею душой,
 Въ которой страсти, лѣта и мечты
 Изрыли бездну вѣчной пустоты... («Джокіо», 1830).

Есть время,—леденѣть быстрый умъ;
 Есть сумерки души, когда предметъ
 Желаній мраченъ: усыпленіе думъ;
 Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
 Душа сама собою стѣснена;
 Жизнь ненавистна, но и смерть страшна («1831 года,
 юня 11 дня»).

Эти страданія въ особенности по временамъ обостряются до такой степени, что, кажется, «всѣ адскія мученія слетаются на сердце и грызутъ», что «вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ». («Измаилъ-Бей», 1832). И тогда человѣкъ съ тоскою мечется, точно повинуясь какой-то невѣдомой силѣ, изъ стороны въ сторону; какъ «одинокій парусъ въ туманѣ моря голубомъ», онъ бросаетъ родной край и чего-то «ищетъ въ странѣ далекой», его не радуетъ ничто окружающее, онъ ищетъ бури, чтобы въ ней найти себѣ забвеніе («Парусъ», 1832). Тяжелое это состояніе обреченнаго на страданіе человѣка, похожаго то на молодую вѣтку на пнѣ сухомъ, которая хоть и зелена, но не имѣетъ сока («Стансы», 1831 г.), то на созрѣвшій до времени плодъ, который ни вкуса не радуетъ, ни глазъ и который грызетъ жадный червь («Онъ былъ рожденъ для счастья»... 1832). Этимъ оканчиваются попытки поэта опредѣлить свое жизненное назначеніе, наполнить опредѣленнымъ содержаніемъ неясныя порывы своей титанической души къ чему-то большому и высокому. Нѣтъ отвѣта на вопросы о цѣли и смыслѣ жизни; къ чему склонить свою безпокойную душу: къ небу или землѣ, или ни къ тому, ни другому? Гдѣ искать истину? Какому Богу поклониться?.. Все это вопросы, на которые поэтъ не находитъ отвѣта, а между тѣмъ они роковымъ образомъ владѣютъ имъ. И въ результатѣ постоянныя глубокія страданія, отравляющія поэту жизнь...

Не находя покоя въ себѣ самомъ, поэтъ не можетъ найти его и въ людяхъ, прежде всего, конечно, потому, что эгоистичные холодные и безучастные люди и не могутъ дать поэту успокоенія.

Люди хотятъ имѣть души... и что же?

Души въ нихъ волнъ холоднѣй («Волны и люди», 1831 г.).

Уже въ пьесѣ «Испанцы» Фернандо громить порочность людей, и самому поэту они представляются такими ничтожными, что вызываютъ въ немъ только чувство презрѣнія («Прелестницѣ», 1830 г.). Люди кажутся Лермонтову столь порочными, что для нихъ невозможно никакое счастье на землѣ, и онъ высказываетъ мысль, что «этотъ пышный свѣтъ не для людей былъ сотворенъ», что люди должны сгинуть, и ихъ прахъ умягчить землю другимъ, чистѣйшимъ существамъ». («Отрывокъ» — «На жизнь надѣяться страшась», 1830). Поэтъ не предубѣжденъ противъ людей, — о, нѣтъ! было время, когда онъ относился къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, но увы! время это безвозвратно миновало. Въ «Menschen und Leidenschaften» (1830) Юрій такъ говоритъ на эту тему Заруцкому. «Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде, не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостью кидался въ объятія всякаго; не тотъ, котораго занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живымъ румянцемъ. О другъ мой! того юношу давнымъ давно похоронили. Тотъ, который предъ тобою, есть одна тѣнь: человекъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить» (Дѣйствіе I, явленіе V). Сашка, въ которомъ такъ много автобіографическихъ чертъ Лермонтова, также говоритъ, что онъ прежде былъ радъ гибнуть для добра, но ему за добро платили презрѣніемъ, и тогда онъ сталъ порочнымъ («Сашка», СХL, 1830). Но порочность это не все, что было послѣдствіемъ разбитыхъ идеальныхъ порывовъ и надеждъ: въ поэтѣ просыпается чувство презрѣнія и мести къ людямъ, такъ жестоко насмѣявшимся надъ нимъ. Страшный типъ такого мстителя людямъ Лермонтовъ даетъ въ лицѣ Вадима: онъ весь полонъ ненависти къ людямъ. «Еслибъ я былъ чертъ», — размышляетъ онъ съ самимъ собою, — «то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоять ли они, чтобы ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!.. Другое дѣло — человекъ: чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти» («Вадимъ», 1832; сочиненія, т. IV, стр. 2). Мщеніемъ, самымъ кровожаднымъ и безошаднымъ, наполнено и сердце Халжи-Абрека.

Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,

Чѣму онъ вѣрять, что любилъ?
 Блаженство то вѣрнѣй любви,
 И только хочеть слезъ да крови!..
 Въ немъ утѣшеніе для людей,
 Когда умереть другое счастье;
 Въ немъ преступленій сладострастье,
 Въ немъ рай и адъ души моей.
 Оно при насъ всегда безсмѣнно;
 То мучить, то ласкаетъ насъ...
 Нѣтъ за единый мщенья часъ,
 Клянусь, я не взялъ бы вселенной (1833 — 34 гг.).

Душа поэта, какъ мы знаемъ. очень рано открылась для любви, которой онъ придавалъ такое громадное значеніе въ жизни; онъ думалъ, что, разочаровавшись въ людяхъ, убѣгая отъ нихъ и ихъ пошлой жизни, презирая и мстя имъ, онъ можетъ въ любви къ родному существу найти себѣ покой и отраду. Подчиняясь въ особенности для него «всесильному закону любви» («1831 года, іюня 11 дня»), поэтъ любилъ, и что же? что дала ему эта любовь?

У вратъ обители святой
 Стоялъ просящій подающа
 Бѣднякъ, изсохшій, чуть живой
 Отъ глада, жажды и страданья.
 Куска лишь хлѣба онъ просилъ
 И взоръ являлъ живую муку,
 И кто-то камень положилъ
 Въ его протянутую руку.
 Такъ я молилъ твоей любви,
 Съ слезами горькими, съ тоскою;
 Такъ чувства лучшія мои
 Обмануты навѣкъ тобою! («Нищій», 1830 г.).

Поэтъ столько надеждъ возлагалъ на чистую безкорыстную любовь, но надъ нимъ и надъ его любовью только посмѣялись. И вотъ нѣтъ для него теперя успокоенія, нѣтъ вѣры въ лучшее будущее, такъ какъ надежды его обратились въ прахъ не только въ семь краю, но, можетъ быть, и въ небесахъ («Стансы», 1830 г.).

Всѣ эти разочарованія такъ повліяли на поэта, что онъ готовъ забыть людей и весь міръ, готовъ бѣжать отъ нихъ на край свѣта и съ радостью ждетъ пришествія своей избавительницы—смерти, которая только и можетъ дать покой его

истерзанному сердцу. Эти мысли и чувства, видимо, сильно захватили поэта, и онъ излилъ ихъ въ двухъ въ высшей степени сильныхъ и звучныхъ стихотвореніяхъ, каждый стихъ которыхъ дышетъ такой жуткой непримиримостью съ жизнью, такимъ страданіемъ и скорбью, граничащей съ отчаяніемъ.

Рѣдѣютъ блѣдные туманы
 Надъ бездной смерти роковой,
 И вновь стоятъ передо мной
 Вѣковъ протекшихъ великаны.
 Они зовутъ, они манятъ,
 Поютъ,—и я пою за ними,
 И, полный чувствами живыми,
 Страшуся поглядѣть назадъ,
 Чтобъ бытія земного звуки
 Не замѣшались въ пѣснь мою,
 Чтобъ лучшей жизни на краю
 Не вспомнилъ я людей и муки,
 Чтобъ я не вспомнилъ этотъ свѣтъ,
 Гдѣ носить все печать проклятья,
 Гдѣ полны ядомъ всѣ объятъ,
 Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ («1831 г. января...»).

Еще рѣзче эти пессимистическіе мотивы звучатъ въ другомъ стихотвореніи, написанномъ нѣсколько раньше перваго.

Оборвана цѣпь жизни молодой,
 Оконченъ путь, билъ часъ,—пора домой...
 Пора туда, гдѣ будущаго нѣтъ,
 Ни прошлаго, ни вѣчности, ни лѣтъ;
 Гдѣ нѣтъ ни ожиданій, ни страстей,
 Ни горькихъ слезъ, ни славы, ни честей;
 Гдѣ вспоминанье спитъ глубокимъ сномъ,
 И сердце, въ тѣспомъ домъ гробовомъ,
 Не чувствуетъ, что червь его грызетъ,
 Пора!—Усталъ я отъ земныхъ заботъ.
 Ужель бездушныхъ удовольствій шумъ,
 Ужели пытки бесполезныхъ думъ,
 Ужель самолюбивая толпа,
 Которая отъ мудрости глупа,
 Ужели дѣвъ коварная любовь—
 Прельстятъ меня передъ кончиной вновь?!
 Ужели захочу я жить опять,

Чтобы душой попрежнему страдать
 И столько же любить?—Всесильный Богъ!
 Ты зналъ: я долѣе терпѣть не могъ...
 Пускай меня обхватитъ цѣлый адъ,
 Пусть буду мучиться,—я радъ, я радъ...
 Хотя бы вдвое противъ прежнихъ дней,—
 Но только дальше, дальше отъ людей!..
 («Смерть», 1830).

Оглядываясь теперь на свое прошлое и замѣчая, какъ далеко самъ онъ отъ толпы, отъ въ будничныхъ интересовъ и мелкихъ заботъ, отъ ея пошлости и ничтожества, поэтъ съ удивленіемъ спрашиваетъ себя, какимъ образомъ могъ онъ еще мечтать о славѣ у людей, если они счастливы въ пыли? и развѣ не смѣшно послѣ этого безсмертіе на землѣ? («Безумецъ я! вы правы, правы!» 1832 г.). Все яснѣе и яснѣе поэтъ видитъ, какъ высоко стоитъ онъ надъ толпою, и это дѣлаетъ его все болѣе и болѣе одинокимъ среди нихъ («Онъ былъ рожденъ для счастья», 1832 г.). Лермонтовъ съ начала жизни еще любилъ угрюмое уединеніе, онъ «укрывался весь въ себя, боясь, грусть не утая, будить людское сожалѣніе»; онъ былъ убѣжденъ, что люди не поймутъ его неясныхъ мечты, въ которыхъ онъ и самъ хорошо не разбирался, что они не освободятъ его отъ черныхъ думъ («Н. Ф. И....вой», 1830). Теперь же онъ и вовсе не хочетъ, чтобы свѣтъ узналъ его таинственную повѣсть, какъ онъ любилъ, за что страдалъ, потому что не людямъ судить великихъ, какъ напримѣръ Наполеона, — великимъ людямъ судя лишь Богъ да совѣсть; поэтъ въ этомъ случаѣ хочетъ походить на гранитный утесъ, который одиноко и неподвижно стоитъ подъ напоромъ волнъ.

Его чело межъ облаковъ,
 Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
 И кромѣ бури да громовъ
 Онъ никому не ввѣритъ думы («Я не хочу, чтобъ
 свѣтъ узналъ», 1837).

Да и кому повѣрять свои мысли, свои мечты? Неужели людямъ? Но вѣдь они такъ бездушны, и одинокій, ушедшій въ себя поэтъ среди нихъ «живетъ, какъ камень межъ камней» («Отрывокъ» — «На жизнь надѣяться страшась», 1830). И поэтъ такъ свыкъся съ своимъ одиночествомъ, что онъ, по собственному признанію, не сумѣлъ бы сжиться съ другомъ, что каждый

прожитый съ нимъ мигъ онъ почелъ бы потеряннымъ досугомъ («Стансы», 1830). Позже эти мысли станеть развивать и Печоринъ. Говоря о Вернерѣ, онъ напишетъ: «Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается, рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ — трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да при томъ у меня есть лакеи и деньги». Гордый и одинокій, «холодный и равнодушный», поэтъ спокойно остается среди людей, какъ спокоенъ на кораблѣ въ грозу и бурю лишь пловецъ:

Крикъ ужаса, моления, скрипъ снастей
Не трогаютъ молчанія его («Гроза», 1830).

Такъ первоначальное презрѣніе постепенно разрѣшается въ полное равнодушіе, въ которомъ не остается ни злобы, ни презрѣнія, ни мести; «жалкій и грустный», поэтъ продолжаетъ жить «безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ, блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны, когда въ окно скользить онъ вдоль стѣны» («1830 годъ. Іюля 15»).

Это было, конечно, состояніе отчаянія, которое не могло дать уснокоенія поэту; это не рѣшеніе вопроса, достойное великой личности, это отказъ отъ рѣшенія, отказъ отъ своего призванія, а главное это состояніе не спасало поэта: и теперъ Лермонтова терзають тѣ же вопросы, которые лишали его покоя прежде.

Пускай возвышусь я надъ вами,—

Но удалось ли отъ себя («Измаилъ Бей», 1832),—

вырывается у него крикъ. Раньше поэтъ, порвавшій съ міромъ, искалъ отрады и забвенья отъ мелочныхъ суетъ во вдохновеннѣ, но увы! «отъ своей души спасенія и въ самомъ счастьѣ нѣтъ» («Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень», 1830). Какъ ни силенъ былъ поэтъ, но и для него одиночество было слишкомъ тяжелымъ и для него оно превращалось въ канново проклятіе. «Я никому не дѣлалъ добра»,—говоритъ Александръ Радинъ,—«боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ, одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленье» («Два брата», IV, 1; 1834—35). *)

Гр. Прохоровъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки